

Ее знаменитое «дорогие мои», особая манера смеяться и одеваться, кому-то безумно нравятся, а кого-то раздражают. Среди интеллектуалов ее детище «Аншлаг» считается верхом безвкусицы, но передача в эфире уже более 16 лет и имеет высочайшие рейтинги. В чем секрет такой популярности? Видимо, в том, что нашим людям с их проблемами и неустроенностью как воздух нужны развлечения, причем, чем проще, тем лучше.

Для телезрителей Дубовицкая – юмористка с вечной улыбкой на лице. Однако в жизни Регина Игоревна дама серьезная и деловая. Она просиживает целыми сутками в монтажной, скрупулезно готовится к каждой передаче, день и ночь пишет сценарии для новых программ. При такой загруженности улыбаться и смеяться удается только в эфире.

– Вы очень успешно работали на радио в юмористической передаче «С добрым утром». Как вы вспоминаете об этом времени?

– Меня взяли младшим редактором по письмам в отдел сатиры и юмора. Сама же я безумно хотела работать в детской редакции, но должность там была занята. Мне сказали, что через месяц можно будет переводиться. Но через две недели я поняла, что никакая детская редакция мне уже не нужна. Я попала в мир юмора! В этой редакции были традиции, особая атмосфера, там меня воспитали и вышколили. Туда запросто приходили, как это сейчас принято говорить, потусоваться Горин, Хайт, Курляндский, Миронов, Папанов. Помню, первыми, кого я увидела, поднявшись на 10-й этаж в студии на Пятницкой, были Папанов, Плятт и Вицин. Они изображали подравшихся собачек. Оказывается, был перерыв в записи и три народных артиста просто дурачились для разрядки. Как это было смешно! Вот такого полета люди собирались. Поэтому атмосфера была удивительная, и профессионализм высочайший – более высокого уровня ни тогда, ни сейчас уже не достигнешь.

– Именно эти радиовстречи и стали вашими «первыми университетами»?

– Когда меня спрашивают, какой вуз я закончила, отвечаю: отдел сатиры и юмора. Но откуда я ушла. В 1987 году Горбачев объявил гласность. На ТВ многое стали разрешать, но поче-

Регина Дубовицкая родилась 31 декабря в Шадринске Костромской области, в профессорской семье. С отличием закончила факультет немецкого языка Института иностранных языков. В середине 1970-х с головой ушла в журналистику, став редактором одной из самых популярных радиопередач тех лет «С добрым утром!». Именно тогда она и познакомилась с большинством героев своей будущей программы «Аншлаг». Муж Юрий – доктор физико-математических наук. Дочь – Илона. Внучка – Регина.

Регина ДУБОВИЦКАЯ: МОЙ ДЕВИЗ – ВПЕРЕД И С ПЕСНЯМИ!

му-то на радио оставались старенькие цензоры, которые буквально с лупой проверяли все тексты. Видимо, по инерции. На радио отдел сатиры и юмора всегда был под прицелом. Стало невыносимо скучно. Поэтому ушла.

– Уж в сфере юмора резать-то должны были нещадно...

– Что было, то было. Могу пример привести. Есть такой монолог Ефима Шифрина, точнее, монолог Альтова, который исполняет Ефим Шифрин, где он изображает экскурсовода и рассказывает о картине «Кающаяся Мария Магдалина». Этот монолог впервые прозвучал у меня на радио в передаче «С добрым утром!». Я с Шифриным познакомилась в Театре эстрады. В театре проходил конкурс, и Ефим занял, по-моему, первое место. Я подошла к нему и сказала, что хочу сделать с ним интервью и записать его для очередного выпуска «Доброго утра». И вдруг мне Фима, которого никогда до этого не показывали по телевидению и никогда не приглашали на радио, говорит:

«Не надо, не надо». Я удивляюсь: «В чем дело?». Мы разговорились, и выяснилось, что Шифрина к тому времени много раз снимали на ТВ, много раз записывали на радио, но ни разу нигде его не было, потому что всюду вырезали. Так вот, все-таки монолог Альтова в исполнении Шифрина у меня в эфире прошел. Текст не больше двух страниц, а может, и полторы. Но! У меня из тех двух страничек было сделано больше 20 вырезов! Причем, там совершенно безобидный монолог и вырезать на самом деле нечего. Хорошо помню, что там была такая фраза: «Некоторые на Западе считают, что это дикий голубь». Почему-то вырезали «некоторые на Западе». Вот так работала цензура. Каждую передачу мы сдавали и ждали, пока программная дирекция ее прослушает. Всегда были вырезы, никогда не было такого, чтобы материалы прошли целиком.

– Долго пришлось добиваться собственной телепрограммы?

– Что значит добиваться? Я пришла на ТВ с этой идеей, и

сразу стала ее воплощать.

– Первый выпуск «Аншлага» появился на телеэкранах в октябре 1987 года. Как формировалась команда?

– На радио была очень сильная редакция, но все лучшие артисты эстрады к тому времени, когда я пришла на радио, были уже «разобраны». Мне ничего не оставалось, как обратить свой взор на «начинающую эстраду». У меня в радиопрограммах стали появляться актеры, которые поначалу никого не интересовали. Это потом они стали популярными. В то время на телевидении существовала передача «Вокруг смеха», где главными героями были в основном писатели-сатирики, а я, работая на радио, мечтала делать телепередачу, в которой главными героями были бы артисты. Мою идею сразу же одобрили, и пошло-поехало...

– Ни разу не хотелось вести что-нибудь другое, не «Аншлаг»?

– Хотелось, почему не хотелось. Но об этом я не скажу. Сначала сделаю, а потом буду говорить.

– Что-то серьезное, глубоко-мысленное?

– Не знаю, что такое серьезный жанр. Вообще не делю телевидение на серьезные и не-серьезные жанры. Я считаю: что бы ты ни сделал, прежде всего, зритель должен тебя смотреть. Если смотрят, значит, все нормально.

– Кто придумал вашу коронную фразу «Дорогие мои»?

– Просто это мое обычное обращение. Я всю жизнь говорю своим близким и людям, которых не считаю за «редисок», «дорогой мой», «дорогая моя». А то, что эта фраза, как говорится, пошла в народ – это уж дело случая.

– Наверное, в компании юмористов смешные случаи поджидают на каждом шагу?

– Ну да. Курьезов много. С Винокуром я такой случай помню. Приехали в Курск, и он меня повел в техникум, который когда-то заканчивал. Он же у нас строитель по первой специальности. И все время твердил: «Пойдем, я тебе стенку покажу». Что за стенка? Оказалось, он в этом техникуме сдавал то ли зачет, то ли экзамен, и надо было стенку из кирпичей поставить. Винокур стенку-то построил, но какую... С наклоном градусов в двадцать! Еще немного – и она бы рухнула. Я этот шедевр даже на камеру сняла. Когда он ее поставил, ее хотели разобрать – кому она нужна, такая кривая. Но когда Винокур стал артистом, ее, по-моему, как памятник оставили. А когда мы шли с ним по его родному городу (он уже был суперпопулярным человеком), я вдруг услышала реплику одного пешехода: «Смотри, смотри, сын Винокура идет». Его отец был главным архитектором и построил после войны практически весь город. Для Курска отец был гораздо популярнее сына. Я первый и последний раз слышала такую фразу.

– А сам Винокур как к ней отнесся?

– Он отца обожал. А Володина мама приходит на все наши концерты. Мы ее называем «лучшая мама», потому что она всегда потом звонит и говорит: «Этот хорошо, этот хорошо, а вот как Вовик выступил, мне не понравилось». Я ее называю лучшей зрительницей «Аншлага». Во-первых, она знает нашу передачу, по-моему, лучше, чем я. Во-вторых, после премьеры обязательно дает устную рецензию и, когда меня спрашивают: «Ну, как передача?», я отвечаю: «Не знаю, Анна Юрьевна еще не звонила. Позвонит – тогда я уже спокойно вам скажу».

– Сами-то любите шутить?

– Люблю, конечно, а кто ж не любит.

– А розыгрыши?

– Они, на самом деле, больше устраиваются в кадре, чем в жизни. Один мне запомнился, когда мы плыли по Волге. Это только со стороны кажется – сплошной отдых, всем весело. Мы две недели плыли на теплоходе, и каждый день в том городе, который проплывали, был концерт, причем каждый из них мы снимали. Швартовались, я первая ехала на площадку, а потом уже приезжали актеры. Выступали обычно до полуночи, теплоход, шлюзы задерживались. Мы полдвенадцатого возвращались на теплоход, ужинали, и потом начиналась ночная съемка, которая переходила в тусовку. Затем в девять утра подъем, в десять завтрак, и

Ее Дубовицкая Регина июнь 2005